

Многоликий феномен: диаспоры в международных отношениях

В 1999 году, обращаясь к читателям и потенциальным авторам первого русскоязычного специализированного журнала «Диаспоры»¹, историк Виктор Дятлов обозначил две фундаментальные исследовательские проблемы. Во-первых, растущий интерес к проблематике диаспор, объяснимый множеством факторов в спектре от деколонизации, распадов полиэтничных империй и федераций до глобализационных процессов, сопровождаемых масштабными перемещениями населения. Во-вторых, теоретико-методологическую неопределенность самого феномена диаспоры.

По словам ученого, «в последние годы термин “диаспора” употребляется весьма часто и, как правило, без толкований и объяснений. Имплицитно подразумевается, что содержание его настолько ясно, а явление им называемое настолько определено, что особых комментариев просто не требуется. Но самый беглый анализ показывает, что слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений...»².

За прошедшую четверть века интерес к изучению диаспор не только не уменьшился, а напротив, многократно возрос. По справедливому замечанию Роджерса Брубейкера, термин «диаспора» «сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках»³. Однако теоретико-методологические сложности, справедливо отмеченные Дятловым еще в 1999 г., никуда не исчезли. Об этом автор подробно рассказывает и в одной из своих новых публикаций, подводя некоторые историографические итоги осмысления феномена диаспор в современной России⁴.

Сегодня мы наблюдаем своеобразный исследовательский парадокс. С одной стороны, понятие «диаспора» как академический концепт достаточно молодое. Оно вошло в научный оборот примерно в 1950–1960-х годах. Но с другой стороны, начало его употребления отсылает нас к библейским временам. За все это время смысл, вкладываемый в определение диаспоры, претерпел существенную

1 Издание «Диаспоры» позиционировало себя как независимый научный журнал и выходило в период с 1999 по 2015 годы. Его главным редактором был известный российский востоковед, демограф Анатолий Вяткин (1946–2015).

2 Дятлов, В.И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8.

3 Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–7.

4 Дятлов, В.И. Концепт диаспоры: динамика исследовательского и общественно-политического использования в России // Идеи и идеалы. 2025. № 2. Ч. 1. С. 157–173.

эволюцию. Понимание диаспоры как синонима еврейского «рассеяния» уступило место расширительным трактовкам, наполнилось расовыми, этническими, национальными смыслами¹.

Впрочем, все эти процессы развивались нелинейно. И связи с религиозной принадлежностью, которые, казалось бы, утратили свою актуальность с наступлением секуляризации и «века национализма», снова оказываются в фокусе внимания, когда речь заходит о диаспорных сообществах.

Современной науке известны также попытки выработать генерализацию и типологию диаспор. Так, Андрей Панибратов и Лиана Рысакова взялись за решение амбициозной задачи по выявлению основных подходов к определению диаспоры и ключевых направлений в ее изучении. Однако представленную ими классификацию вряд ли можно считать исчерпывающей. И прежде всего потому, что она базировалась на экономоцентричном подходе, при котором диаспора рассматривалась в первую очередь как важный игрок в сфере международного и странового бизнеса, туризма, маркетинга².

Проблематика диаспор охватывает не только социально-экономическую сферу. Это – комплексное исследовательское поле, которое включает в себя вопросы идентичности, национализма, дилеммы интеграции – размежевания, межэтнические (межконфессиональные) конфликты, миграционные процессы, деятельность неправительственных организаций и лоббизм. По справедливому замечанию израильского исследователя Габриэля Шеффера, «скрупулезное изучение [диаспор] может помочь прояснению более общих остро дискуссионных вопросов. Например, какова природа этничности... и, наконец, является ли этническая составляющая неотъемлемой чертой большинства государств?»³.

Говоря об изучении диаспор, не уйти и от взаимопроникновения академического, политического и журналистского дискурсов. Ведь как бы мы ни стремились к «чистой науке», невозможно исключить тот факт, что политики и высокопоставленные государственные чиновники оперируют понятием «диаспора», апеллируют к нему, далеко не всегда соотносясь с канонами и критериями научной дискуссии⁴. Игнорировать их конструкты – занятие контрпродуктивное, поскольку гуманитарные науки (как, впрочем, и любые другие) не могут существовать в отрыве от общественных запросов и государственных оценок. Поэтому диалог между теоретиками и практиками востребован как никогда. В том числе и для качественного анализа феномена диаспор, а также для преодоления имеющихся принципиальных разногласий. Это позволило бы, с одной стороны, повысить исследовательскую эвристичность, а с другой, теснее связать экспертизу с практическими государственными задачами.

В 2025 г. второй номер нашего издания посвящен роли и значению диаспор в международной политике. По словам Габриэля Шеффера, от исследователей

1 Лошкарев, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70–78.

2 Panibratov, Andrei, and Liana Rysakova. "The Diaspora Phenomenon: Scholarly Assessment and Implications for Countries and Firms." *Journal of Global Mobility* 9, no. 1 (2020): 107–144.

3 Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 166.

4 Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

требуются «более действенные усилия, поскольку в условиях “нового мирового порядка” (или, скорее, беспорядка) диаспоры быстро набирают в весе как агенты влияния и расширяют масштабы своей деятельности, что в какой-то мере является отражением межэтнической напряженности, нередко выливающейся в конфликты»¹. В условиях, когда новое мироустройство только формируется, а надежды на «дивный новый мир» в виде торжествующей глобализации не оправдались, мы наблюдаем существенный рост интереса к идентитарным проблемам. И этот поиск сопровождается непростыми коллизиями между границами государств и наций. Диаспоры как «трансграничные сети коммуникаций»² являются и триггерами конфликтов, и факторами примирения и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, и площадками для широкого взаимодействия между «старой» и «новой» родинами.

В представляемом номере две статьи посвящены проблемам китайской диаспоры. Илья Олейников исследует опыт взаимодействия между выходцами из Китая, новозеландским государством и обществом. Автор пытается выявить особенности интеграции иммигрантов, показывает специфику их взаимодействия с коренным народом страны маори, анализирует разногласия в отношениях между принимающим обществом и диаспорой, а также влияние «китайской карты» на внутри- и внешнеполитический курс Новой Зеландии.

Яна Лексютина обращается к изучению феномена китайской диаспоры в США на фоне углубляющихся стратегических противоречий между Вашингтоном и Пекином. С одной стороны, автор говорит о Соединенных Штатах как о самом популярном направлении китайской эмиграции, а с другой – о нарастании конфликта между двумя сверхдержавами современности, сказывается на положении диаспоры.

Алексей Куприянов исследует индийскую диаспору на примере трех кейсов (Маврикий, Фиджи и США). По его мнению, несмотря на рост численности и значения выходцев из Индии в различных странах мира, дивиденды от этого процесса (если говорить о выгодах для официального Дели) пока неочевидны.

В статье Гюльнары Гаджимурадовой рассматриваются основные тенденции в развитии диаспор в странах Северной Европы. В своей работе автор проводит широкий компаративистский анализ различных стратегий интеграции и адаптации иммигрантов и диаспорных сообществ в Норвегии, Швеции и Финляндии, показывает как очевидные достижения, так и проблемы, возникающие на этом пути.

Работа Луизы Хлебниковой посвящена феномену израильского лоббизма в США. Автор показывает, что израильский лоббизм несводим к этническому или религиозному формату, а основные его цели – политические. Не менее важный момент – это рассмотрение лоббистских структур как конгломерата разных организаций, подчас конкурирующих, по-разному понимающих перспективы и самого Израиля, и американо-израильских отношений.

Президентские выборы и конституционный референдум в Молдове, прошедшие осенью 2024 г., а также предстоящие парламентские выборы

1 Шеффер, Г. Указ. соч. С. 166.

2 Ibid.

актуализировали фактор диаспоры. Во многом голосование ее представителей способствовало успеху правящей партии «Действие и солидарность» и президента Майи Санду. Феномен диаспоры в молдавских электоральных процессах рассматривается в статье Николь Бодиштяну.

В работе Александра Князева и Нинэль Гулам анализируется процесс формирования афганских диаспор. Авторы изучают их в различных политических контекстах на Западе и на Востоке. Если в некоторых обществах афганцы смогли успешно интегрироваться в местные социумы, то в других – маргинализировались и оказались в положении дискриминируемых сообществ.

В коллективной статье Сергея Артеева, Андрея Бардина, Татьяны Попадьева и Максима Сигачёва авторы обращаются к российскому кейсу и проблеме импатриации. По их мнению, хотя «ценностный подход к миграционной политике не является принципиально новым в мировой практике», в условиях России он может рассматриваться в качестве важной социальной инновации.

Исследование Алисы Шишкиной, Максими Вомбеого и Микаха Зинга посвящено конфликтам в Северной Гане (изучены восемь кейсов в трех регионах этой страны), а также вовлечению диаспоры в их урегулирование.

Не претендуя на решение базовых теоретико-методологических и терминологических вопросов, коллектив редакции, наши авторы и рецензенты постарались представить различные аспекты влияния диаспор на международную политику. Мы стремились показать широкий спектр социально-экономических, политических, социокультурных коллизий. В дальнейшем наше издание планирует обращаться к данной проблематике в рамках других контекстов, связанных с миротворчеством, конфликтами, интеграционными и миграционными процессами.

Сергей Маркедонов, главный редактор